

The Emir's Promissory Note

by Amelia

Дарственное Письмо Эмира

Мужчина стоял на углу базара рядом с оживленным перекрестком. Покупатели и торговцы приходили и уходили, занимаясь своей жизнью без малейшего интереса к нему или слепому нищему, сидящему у стены в нескольких футах от него. Внезапно он вытащил дарственный свиток с печатью Эмира Высокой Степени и, размахивая им в воздухе, громко крикнул прохожим: «Кто-нибудь хочет это?»

Люди остановились и нетерпеливо стали жаться вокруг него «Что он сказал?» - пробормотал кто-то, и он снова сказал: «Кто-нибудь хочет это?» Люди в толпе кричали и давились вперед, потому что они сразу поняли, какое состояние может стоить этот листок бумаги: «Я возьму его, мой друг, - «я, я, я», «позвольте мне помочь вам, уважаемый...», каждый теперь стремился стать его другом.

Теснясь и толкаясь, они тянули свои руки, которые вздымали высоко над головами и, вероятно, отняли бы у него заветную бумагу, если бы он не громко, но решительно крикнул «остановитесь!». Немедленно наступило молчание, и он оглядел собравшуюся вокруг него толпу; он медленно смял свиток в руках над головой, чтобы все могли видеть. Послышались вздохи, а затем громкий стон разочарования. Но когда он сказал «кто все еще хочет?», они все так же нетерпеливо, как прежде, кричали, давились вперед, пытаясь привлечь его внимание.

К его счастью, он был знатным человеком и мог легко держать всех в страхе и останавливать толпу, он положил смятый свиток на землю и начал топтать его, пытаясь разорвать его ногой. Наконец он поднял потрепанный, но все еще целостный свиток, все еще с ясно выраженными буквами дарственной и печатью от Эмира, и снова сказал: «Кто еще это хочет?», и толпа вновь с энтузиазмом ответила.

«Друзья Мои», - сказал он, наклонившись и положив свиток в руку слепого нищего, - давайте извлечем урок из этого. Вы хотели, дарственный свиток Эмира, когда он был целый и новой. Вы так же его хотели, когда я его смял. И вы также его хотите, теперь, когда он почти порван. Ибо вы знаете, что наш благородный Эмир держит свое обещание независимо от того, разорвана или порвана бумага его утверждающая. «Стояла полная тишина, потому что теперь все удивлялись, кто мог быть этим человеком, кто говорил с такой властью и относился к одному из высоко ценимого дарственного Эмира с таким неуважением.»

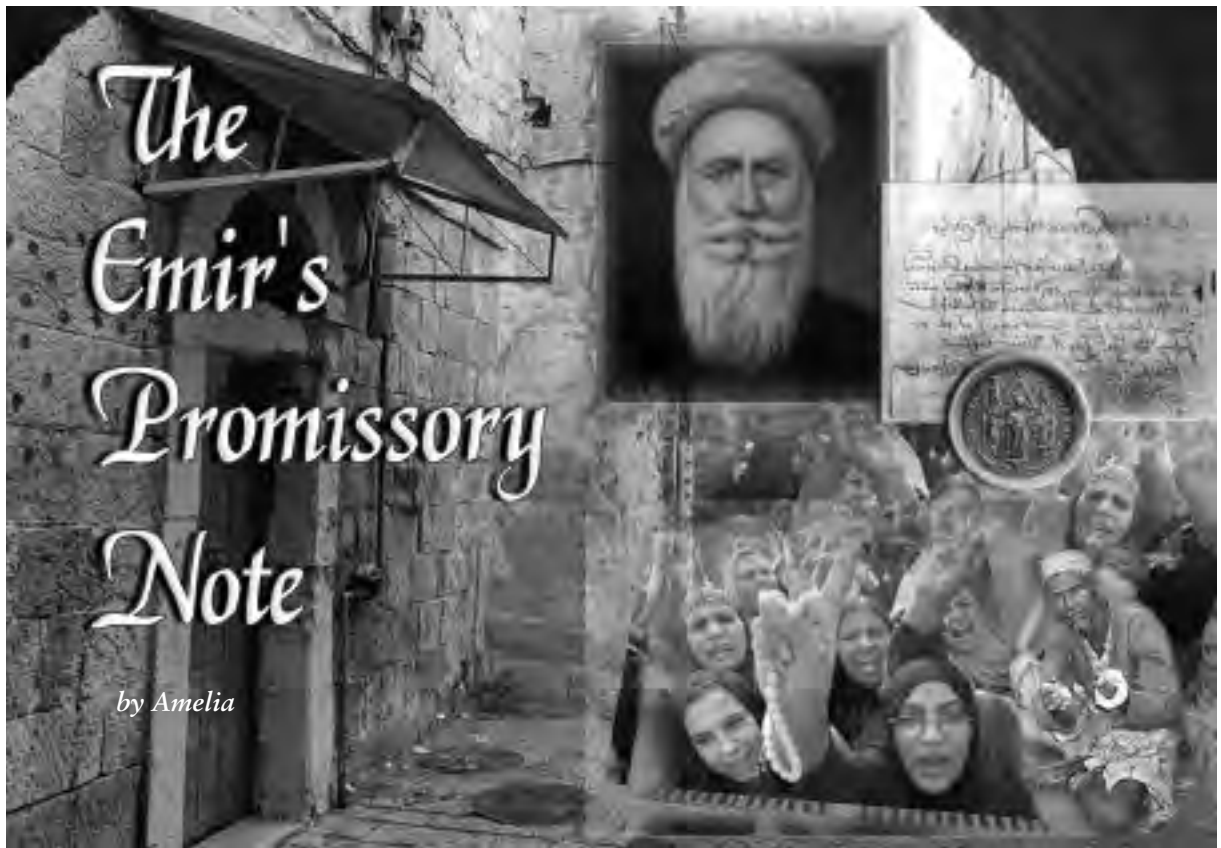
«Независимо от того, что я сделал со свитком, - продолжал он доброжелательным голосом, - вы так хотели его, потому что это не уменьшило его значимость. Мои дорогие братья, есть люди, которые много раз в своей жизни были сброшены, скомканы и истоптаны в грязь из-за неправильных решений, которые они приняли, и по обстоятельствам, которые только Аллах может полностью знать». Казалось, что базар полностью с тих и остановился, все молча стояли и с трепетом слушали.

«И в такие моменты, - продолжал он, - наши братья чувствуют, что они бесполезны и они действительно считаются бесполезными всеми, кто судит их, как этот слепой нищий у ваших ног, забытый и брошенный голодать в течение многих лет перед вашими глазами, которые благословлены зрением.

Тем не менее, дорогие братья, независимо от того, что произошло в прошлом или что будет с каждым из вас в будущем, по воле Аллаха, вы никогда не потеряете свою ценность для Него. Грязные или чистые, мятые или грязные, вы по-прежнему бесценны для Того, кто любит вас больше всего. Ценность вашей жизни исходит не от того, что вы делаете, или от того, кто вас знает, а от того, кто вы сами. Вы все особенны в глазах Аллаха, подобно этому слепому нищему, который должен быть особенным для вас сегодня и каждый день.

Когда он продолжил, в глазах, толпившихся проступили слезы даже у самых сильных из людей в толпе. «Никогда не забывайте этот урок и передавайте его тому, кто слышит ушами. Ибо вы никогда не узнаете, к чему Аллах прикасается, к больным сердцам, которых он излечит, или к надежде, которую он даст забытым. Считайте свои благословения, а не свои беды, и воздайте хвалу Аллаху».

Люди стояли и смотрели еще долго, таращась в полной тишине. Но никто не заметил, как учитель сердец, легендарный Мустафа Мудрый из Кордовы, тихонько проскользнул через дверной проем, чтобы его больше не видели.

A MAN STOOD ON A CORNER IN A bazaar next to a busy intersection. Shoppers and traders were coming and going, pursuing their lives without the slightest interest in him or the blind beggar sitting against a wall a few feet from him. Suddenly he pulled out a high value promissory note with the Emir's seal upon it, and waving it in the air shouted loudly to the passers-by: "*Does anyone want this?*"

People stopped and eagerly pressed around him. "*What did he say?*" some murmured, so he said it again: "*Does anyone want this?*" People in the crowd shouted and squeezed forward, for they immediately knew what a fortune this piece of paper was worth: "*I'll take it my friend;*" "*me, me, me;*" "*let me help you sir...*" for everyone was suddenly eager to be his friend.

Pushing and shoving they reached for his hand which was held high above them and would probably have taken the promissory note from him by force had he not shouted loudly and forcefully "*stop!*" There was immediate silence and as he looked around at the crowd; he slowly crumpled the note in his hands held above his head so everyone could see. There was an audible sigh and

then a loud groan of disgust from the crowd. But when he said "*who still wants it?*" they were all as eager as before, shouting, pressing forward and trying to attract his attention.

Fortunately he was a big man and could easily hold everyone at bay, and clearing the crowd away a bit, he placed the crumpled note on the ground and started stamping on it, tearing and crushing it with his foot. Finally he held up the tattered though intact note, still with the Emir's promise and seal clearly visible, and said again "*who still wants it?*" to which the crowd again responded with enthusiasm.

"*My friends,*" he said as he stooped and placed the note in the blind beggar's hand, "*let us take a lesson from this. You wanted the Emir's note of promise of fortune when it was crisp and new. You wanted it just as much when it was crumpled. And you want it still, now that it is tattered and torn. For you knew that our noble Emir would honour his promise no matter how tattered and torn his note had become.*" There was complete silence, for everyone by now were wondering who this man could be who spoke with such authority and treated one of the Emir's highly valued

promissory notes with such disrespect.

"No matter what I did to the note," he went on in a kind voice, "you wanted it just as much because it did not decrease in value. My dear brothers, there are some people who many times in their lives have been dropped, crumpled and ground into the dirt by wrong decisions they made and by circumstances that Allah alone can fully know." The bazaar was now at a complete standstill as everyone stood silently and listened in awe.

"And at such times," he went on, "these cousins of ours feel as though they are worthless and indeed are treated as worthless by all who would judge them, just as this blind beggar at your feet, has been ignored and left to starve for years before your eyes which were all blessed with sight.

Yet, dear cousins, no matter what has happened in the past or what will happen to each of you in the future, by the will of Allah, you will never lose your value to Him. Dirty or clean,

crumpled or finely creased, you are still priceless to the One who loves you most. The worth of your lives comes not from what you do or whom you know, but by who you are. You are all special in the eyes of Allah, just as this blind beggar should be special to you today and every day."

Tears welled up in the eyes of even the strongest of men in the crowd as he went on. "Don't ever forget this lesson and pass it on to whoever has a willing ear to hear. For you may never know the lives it touches, the hurting hearts it will heal, or the hope it will bring to the downtrodden. Count your blessings, not your troubles, and give praise alone to Allah."

Some people stood and stared a while longer while others shuffled away in silence. Incredibly though, no one noticed as the teacher of hearts, the legendary Mustafa the wise of Córdoba, slipped silently through a doorway never again to be seen.

WITH ALL THE DEVOTION OF AN eight-year-old, I loved my cousin Myrtle, who lived about a quarter of a mile away, and who was critically ill. My mother went to stay there two or three nights a week. I missed her when she was away and many times I would tiptoe into the hallway, cup my hands against the glass door and watch for her return.

One night, I woke to the sound of soft sweet music coming nearer and I became conscious of the room lighting up. Running to the door and pressing my face tightly to its glass, I looked out on a mystic valley lighted by many colours. I watched and listened as music and light came over the house, completely enveloping it. Then two angel children appeared.

They moved like a summer's breeze, not

hurriedly nor slowly but without hesitation, straight to my cousin's house. There they seemed to hover like a bright cloud before sunrise. At last, they turned back towards me and I could see between them was my cousin Myrtle.

To describe anything so lovely is not possible; shimmering wings, sheer soft robes of mingled colours, all in an oval of transparent light. They passed above me and slowly ascended. When the music and light disappeared, I crept back into bed and went quickly to sleep.

In the morning, I was tactfully told that Myrtle had died in the night, but I knew she was not dead. She was surely an angel now, for I had seen her in their company.

I behold the distant mountains, their snow-capped grandeur towering over the plain. The road leads to the high passes; there shall we meet again and ascend together, hand in hand, joyfully facing the Light.

